

Виктор Королев

Донна Соль
и все её мужья

Издательство
"Союз писателей"

Виктор Владимирович Королев

Донна Соль и все её мужья

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105337

Донна Соль и все её мужья: Союз писателей; Новокузнецк; 2017

ISBN 978-5-00073-764-4

Аннотация

Эту потрясающе красивую и умную женщину любили все. Одних она за это высмеивала, другие становились её друзьями, третьи боготворили донну Соль до конца. Сердце её было открыто, но она всегда ждала принца. В долгой её жизни было немало принцев и ещё больше любовных авантюр. Александра Смирнова-Россет начинала в статусе фрейлины императрицы, а закончила – признанной музой русской литературы. Ей посвящали свои произведения Пушкин, Жуковский, Лермонтов и другие наши классики...

Содержание

Сахар, мёд и... перец	5
«Я сохранила взгляд холодный»	10
Не падайте духом, генерал-поручик Голицын...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Королев

Донна Соль и все её мужья

© Королев В. В., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Сахар, мёд и... перец

До чего же она хороша! «Миловидная и изящная, грациозная и пикантная. Улыбаясь, ею восторгаются, улыбаясь, попадают под её очарование. Её ум всё как бы шутит, но в высшей степени наблюдателен. Она всё видит, и каждое её замечание носит характер легкой эпитагмы, основанной на удивительной глубине созерцания... Она слишком восприимчива, чувствительна, и потому неровна иногда, но этот лёгкий недостаток придаёт ей больше прелести, так как интересно узнать, что на время омрачило это хорошенькое чело. У неё своеобразный и замечательно анализирующий ум. Можно сказать, что её воображение – это своего рода калейдоскоп, из самых мелких обрывков она умеет составить блестящее увлекательное целое. Её живое, умненькое личико порой так и сияет».

Это точный словесный портрет одной из самых замечательных, самых удивительных и самых красивых женщин пушкинского окружения. О ней написано немало – и я с благодарностью к авторам использую их описания и находки и прошу прощения, что не все из них оказались заковыченными. Важнее другое – что имя это женщины, история её удивительной жизни начинают забываться. А ведь она – признанная муза русской литературы...

Главное в ней – красота и тонкость ума. Оттого становится

ся понятным, что самые интересные мужчины того времени чувствовали себя хорошо в её обществе, им было интересно с этой женщиной, она умела увлечь их беседой, своей наблюдательностью. Её красотой восхищались многие – Жуковский, Пушкин, Вяземский, да и другие. Дочь её Ольга, собравшая всё, что касалось жизни матери, вспоминала:

«Мать моя была гораздо меньше ростом, брюнетка, с классическими чертами, с чудесными, очень чёрными глазами; эти глаза то становились задумчивыми, то вспыхивали огнём, то смотрели смело, серьезно, почти сурово. Многие признавались мне, что она смущала их своими глазами, своим прямым, пронизательным взглядом. У неё были очаровательные чёрные, со стальным оттенком, волосы, необыкновенно тонкие. Она была отлично сложена, но не с модной точки зрения (она не носила корсетов, причёсывалась почти всегда очень просто и ненавидела тряпки и драгоценные украшения), а с классической. У неё было сложение статуи: ноги, форма головы, руки, профиль, непринужденные движения, походка – всё было классическое. Одна дама, знавшая мою мать с детства, говорила мне: «Я помню, как её походка поразила меня даже тогда, а ведь я была ребёнком. У неё были лебединые движения, и так много достоинства и естественности в жестах её».

В то время была мода на прозвища. Друзья в шутку называли её «донна Соль», потому что за неё сватались люди намного старше (например, пожилой князь С. М. Голицын), а в

то время была в моде драма Виктора Гюго «Эрнани», героиню пьесы звали донна Соль и у неё был старый муж. Верный друг Пушкина князь П. А. Вяземский писал:

«Расцветала в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными этой красавицы; кто более, кто менее уязвлённый, но все были задеты и тронуты. Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокою красавицу Donna Sol – главной действующей личностью испанской драмы Гюго. Жуковский, прозвал её “небесным дьяволёнком”. Несмотря на своё общественное положение, на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чувством. Она угадывала (более того, она верно понимала) и всё высокое, и всё смешное. Вообще увлекала она всех живостию своею, чуткостью впечатлений, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому не лишённую прелести какую-то южную ленивость, усталость. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были как музыкальное разнозвучие, которое под рукою художника сливается в странную, но чарующую мелодию. Хоть не было в чулках её ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых «академиком в чепце». Сведения её были разнообразны, чтения поучительные и серьёзные, впрочем, не в ущерб романам и газетам».

Чуть позже в своей записной книжке Петр Андреевич Вяземский отмечал: «Ездил в Царское Село, обедал у Жуковского. Вечером у донны Соль... 4-го июня шатался около

дворца, заходил к донне Соль». Ниже его стихотворение, посвященное Александре:

*Вы – донна Соль, подчас и донна Перец!
Но всё нам сладостно и лакомо от вас,
И каждый мыслями и чувствами из нас
Ваши верноподданный и ваши единоведец.
Но всех счастливей будет тот,
Кто к сердцу вашему надёжный путь проложит
И радостно сказать вам сможет:
О, донна Сахар! донна Мёд!*

Её дочь Ольга рассказывала: «Моей матери давали много названий: князь Вяземский звал её донна Соль и Южная ласточка. Он же называл её «покровительница русских поэтов». В «Онегине» она названа Венерою Невы и буквами В. А. Жуковский называл её сначала “небесным бесёнком”, а позже “моей вечной Принцессой” и хотел посвататься»...

Она была счастлива в своих друзьях, она наслаждалась и купалась в их любви, для них она приносила из императорского дворца всякие новости, наблюдала и мастерски передавала разные подробности светской жизни, представляла в лицах весь бомонд, слушала и понимала поэзию своих обожателей.

Казалось, всё в этом мире – для неё. Не было только чего-то сугубо личного, сердечного. Натура ищущая, страстная, она была одинока в своей жизни, вернее, не могла по-

нять её цель до конца, и оттого часто впадала в меланхолию, а ещё чаще – мучила своих обожателей порой циничным отношением, холодом и язвительным равнодушием. Сердце её было закрыто для настоящей любви – до поры до времени закрыто...

«Я сохранила взгляд холодный»

Донна Соль, Александра Осиповна Россет, была дочерью морского офицера. Капитан-лейтенант Осип (Иосиф) Россетти (1760-1813), француз по происхождению, ещё в ранней молодости перешёл на русскую службу, стал комендантом Одесского порта, начальником таможни и командующим гребной флотилией. Женился Осип Иванович на 16-летней Надежде Ивановне Лорер (сестре будущего декабриста), а у той отец был немецкого происхождения, а мать – грузинка. Так что прирожденную яркую красоту Александры Осиповны в немалой степени можно объяснить таким смешением кровей.

«От Россетов она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему и остроумие, от Лореров – изящные привычки, любовь к порядку и вкус к музыке; от грузинских своих предков – пламенное воображение, восточную красоту и непринужденность в обращении», – писал о ней поэт Яков Полонский.

Отец её умер рано, мать снова вышла замуж, а девочку отдала на воспитание бабушке, владелице небольшого имения на Украине. Детские годы в деревне оставили светлый след в тонкой, восприимчивой натуре и многое определили в её характере. Позднее она писала:

«Я уверена, что настроение души, склад ума, склонно-

сти, ещё не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений: я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила уютную комнатку, где незастенчиво говорят то, что думают, то есть что попало».

В 1820 году отчим девочки устроил её в училище ордена Св. Екатерины (позднее – Екатерининский институт благородных девиц). Её учителем русской словесности в училище был Петр Александрович Плетнёв, друг Пушкина. Он-то и познакомил юную Россет с творениями своего друга: «Кавказским пленником», «Бахчисарайским фонтаном», первыми главами «Евгения Онегина».

Очаровательную воспитанницу заметила и опекавшая Екатерининское училище императрица Мария Федоровна (вдова Павла I). В 1826 году, после окончания учебы, Сашенька Россетти стала её фрейлиной. Через два года Мария Федоровна скончалась, и юную фрейлину взяла к себе на ту же роль супруга Николая I Александра Федоровна.

Как фрейлине двора Александре Россет полагалось проживать в Царском Селе. Появившись здесь, она сразу вошла в круг друзей Плетнёва. Он познакомил её с поэтами, писателями, художниками. Впереди Александру Осиповну ждала ещё целая череда долгих лет и блистательных знакомств с лучшими людьми XIX века, бесконечные жаркие споры о литературе и холодные отказы многочисленным женихам...

Чем же пленяла знаменитостей России и их закалённые в

романтических бурях сердца загадочная красавица Россет? Ей никогда не хотелось быть в исключительном положении, быть серьёзной, она всегда мечтала оставаться интересной собеседницей и немного шалуньей.

Друзья-литераторы, восторженные поклонники юной красавицы, посвятили ей множество мадригалов. В автобиографических записках она объясняет это так: «Поэтам нужен идеал, и они, не знаю почему, нашли его во мне. Лучшего не было под рукою».

Подлинный аристократизм в манерах и искренняя любезность привлекали в её дом многих замечательных русских людей, не только титулованных особ, но и демократов и разночинцев, славянофилов и западников, «революционных бунтарей» и светских львов. В её гостиной могли встретиться и мирно беседовать Пушкин и Жуковский, Тургенев и Аксаков, позже – Достоевский и Полонский. Со всеми она находила общий язык, была радушна и отменно приветлива. Из стихотворений, посвященных ей, можно было бы при желании составить целый поэтический сборник. На его страницах оказались бы, наверное, имена всех великих поэтов и писателей, снискавших славу русской литературе. Невольно вспоминается иронический мадригал А. С. Пушкина:

*Черноокая Россети,
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти?
Те, те, те и те, те, те.*

Ей нравилось поклонение, но она не стремилась к нему. Она легко разбивала мужские сердца и не жалела и не вспоминала об этом: её собственное сердце оставалось холодным.

Василий Андреевич Жуковский подумывает о женитьбе на ней. И хотя официального сватовства не было, вопрос юной фрейлине (романтику шёл 46-й, а Россет не было и девятнадцати) задан прямо: да или нет? Точнее, не прямо, а через посредника.

В тот день Плетнёв приехал давать урок великим князьям, и мы его пригласили с нами обедать, вспоминала Россет. После обеда он вдруг спросил:

– Вы начинаете скучать во дворце, не пора ли вам замуж?

– За кого? Разве что за камер-лакея?!

– А Василий Андреевич? Он мне дал поручение с вами поговорить.

– Что вы, Петр Александрович, Жуковский – старая баба. Я его очень люблю, с ним весело, но мысль, что он вообще может жениться, мне никогда не приходила в голову.

Как-то Жуковский допоздна засиделся в её салоне и сказал:

– Мы так приятно провели вечер, это ведь могло быть всякий день, а вы не захотели.

На что Александра Осиповна ответила резко:

– Лучше одиночество одной, чем вдвоем одиночествовать.

Слава Богу, Жуковский не обиделся на язвительный отказ, и дружба их с Россет длилась ещё долгие годы. Из «небесного дьяволёнка» она быстро превратилась у поэта в «мою вечную Принцессу».

В своих «Воспоминаниях» Александра Осиповна оставила замечательный портрет-описание Василия Андреевича:

«Нас всех поразили добрые, задумчивые глаза Жуковского. Если б поэзия не поставила уже его на пьедестал, по наружности можно было взять его просто за добряка. Добряк он и был, но при этом сколько было глубины и возвышенности в нём...»

Когда в неё неистово, безумно влюбился И. С. Аксаков (1823–1886), в то время ещё молодой председатель уголовной палаты, она враз сумела охладить его пыл, нарочно показав ему весьма интимные и фривольные письма к ней от венценосных особ. А его стихотворное признание в любви зачитала в кругу общих приятелей. Для молодого, ещё не умеющего держать удар человека это была катастрофа. Спустя годы, когда он встретится с Россет в Калуге, Аксаков скажет о ней презрительно:

«Помирает со смеху над всем, что видит и встречает, называет всех животными, уродами, удивляется, как можно дышать в провинции... Я не верю никаким клеветам на её счет, но от неё иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила».

Она язвительна, но не безжалостна. Как позже скажет гу-

вернантка, прожившая рядом с ней сорок лет, «в ней была та строгая нравственная неподкупность, о которой говорится в Писании, она была сильна душой, сердцем и умом». А Пушкин в 1832 году напишет донне Соль в её сафьяновом альбоме с инкрустированными застёжками удивительно точную характеристику:

*В тревоге пёстрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный,
И правды пламень благородный,
И как дитя, была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло.
И шутки злости, самой черной,
Писала прямо набело.*

Признаний в любви она выслушала немало. Сватовство Жуковского не считала серьёзным, более выгодные партии не рассматривала, потому что вообще пока не думала о замужестве. Её время наступит чуть позже.

Не падайте духом, генерал-поручик Голицын...

О романе 18-летней донны Соль с князем С. М. Голицыным известно немного. Это был один из первых матримониальных проектов, которые она всерьёз обдумывала, первый серьёзный и первый скандальный.

В неё, юную фрейлину, влюбился престарелый князь Сергей Михайлович Голицын, с давних пор живший с супругой «в разъезде». Как вспоминала Александра Осиповна, старик однажды явился в Зимний дворец вместе с великим князем Михаилом Павловичем. Когда он снял свою орденскую ленту, Александра Осиповна её примерила шутя. А он вдруг заявил при всех: «Если вы выйдете за меня замуж, вы получите орден Святой Екатерины». Это был высший орден Российской империи для женщин, он давал пожизненные привилегии.

Князь был богат, а у бесприданницы Александры Осиповны ещё четыре меньших брата, и она невольно прислушалась к советам своей заботливой горничной. В своих мемуарах Россет пишет:

«Марья Савельевна (горничная А. О. Россет в Зимнем дворце) очень апробовала эту свадьбу и говорила: "Иди, матушка! Другой старик лучше голопятых щелкопёрых офи-

церов. Будут деньги, и братишкам будет лучше; а то они, бедные, снуют по Невскому, понаделали долгишки; а мы вот месяц должны мужикам и в гостиницу». Эти речи Марьи Савельевны мирили меня с мыслью идти за старика и поселиться в Москве с пятью старухами, его сестрами и т-ле Casier (компаньонка в доме Голицына). Я писалась дважды в неделю с князем Сергеем Михайловичем...»

Намечавшаяся свадьба вызвала в свете большой переполох. Косточки бедняжки Россет перемывали ещё и потому, что князь был мужем (пусть и номинальным) знаменитой Евдокии Голицыной. Юной девушкой по настоянию Павла I она была выдана замуж за человека бесцветного во всех отношениях. В то время он, генерал-поручик в отставке, занимал должность куратора Московского университета. Для этой должности у князя было, пожалуй, одно-единственное «достоинство» – он пописывал стихи, такие же бесцветные, как и он сам.

Евдокия Голицына (кстати, юношеская пассия Пушкина) держала музыкальный салон. Но в её доме, как отмечали все, ничто не вызывало симпатии. Музыка «исполнялась без удовольствия, а слушалась из учтивости, и вообще все вечера у неё в высшей степени несуразны». За необычный образ жизни – ночью бодрствует, а днем спит – княгиню прозвали Princesse Nocturne («княгиня ночи»).

Долли Фикельмон пишет в своем дневнике:

«24.1.1830. Двор и весь город сейчас занимает очень

странный роман. Его героиня мадемуазель Россети — она так хороша, остроумна и занимательна, что невозможно не проявлять к ней живого интереса. Князь Голицын, супруг «Princesse Nocturne», с которой, кажется, 30 лет живет в разъезде, — мужчина, как я полагаю, лет за пятьдесят, некрасивый, ничем не примечательный, ни внешне, ни умом, и до сего времени не проявивший себя ни в чём, кроме как в благочестии и религиозном рвении. И вот теперь, влюблённый в восемнадцатилетнюю Россети, он хочет развестись с женой и жениться на этой молодой особе. Но православная церковь допускает развод лишь в одном случае — когда один из супругов признается в прелюбодеянии. Только тогда другой получает право вступить в повторное супружество.

Однако княгиня Голицына, в годы блистательной молодости, при прекраснейшем лице и весьма страстном характере сумевшая устоять против всех ловушек, против всех соблазнов и, по мнению её друзей, имевшая счастье не быть упрекаемой ни в единой слабости, находит несправедливым и непристойным для своего возраста брать на душу грех, которого не совершала. Сама эта мысль возмущает её, она отстаивает свою правоту и не желает уступить, но князь и m-lle Россети пользуются высочайшим покровительством. Вопрос будет решаться Синодом. Между тем эта история превратилась в настоящий скандал. Сие можно простить молодому человеку, но для мужчины в воз-

расте и с положением Голицына нахожусь это смешным»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.